Твір являє собою авторський переклад оповідання "Кохання з притичинами".

ЛЮБОВЬ С ПРЕГРАДАМИ

Рассказ

В большое село Трашки в Васильковском уезде недалеко от Киева приехала новая учительница Настя Тихоновна Легёза, назначенная в церковноприходскую школу, в которой обучались и мальчики, и девочки. Она приехала нанятым на вокзале извозчиком евреем в местечке Белой Церкви, заехала во двор священника отца Моисея Турчанинова и представила ему свои документы о назначении учительницей в школу. Батюшка уже давно получил уведомление о ее назначении на свободное место учительницы и был рад ее приезду. Каникулы оканчивались. В скором времени нужно было начинать учение в школе. Батюшка пригласил учительницу в столовую и попросил садиться за стол, на котором стоял самовар. За столом пила чай семья отца Моисея. Матушка, молодая и живая, пригласила гостью к чаю, попросила сесть возле себя и была рада ее назначению в школу. Матушка еще не так давно окончила курс второго епархиального училища, в котором училась новая учительница. Она с удовольствием расспрашивала о преподавателях и классных дамах училища, которые все оставались на своих местах и были ей симпатичны, оставив приятные воспоминания.

После чаю матушка, догадавшись, что учительница, выехав утром из Киева, порядочно проголодалась, встала, взяла в шкафу тарелку с котлетами, оставшимися от обеда, и поставила на стол.

— Я знаю, что вы проголодались в дороге, выехав утренним поездом из Киева. Закусите, а потом пойдете осматривать свою квартиру в школе,— сказала она гостье, поставив на стол тарелку с яблоками с своего сада.— Не знаю, будете ли вы довольны вашей квартиркой. Вам придется жить в одной комнате, которая служит вместе с тем и кухней. Мы позаботились о вашей комнате, побелили стены. Я приказала вымыть чистенько пол.

— Спасибо вам за ваши старания. Буду вам очень благодарна, если найду свою комнату чистенькой,— сказала учительница и встала.

После полдника батюшка отправился с учительницей в школу. Школа была в той большой усадьбе, на которой находился дом отца Моисея с большим садом и дом псаломщика с постройками за его овином и током. Школа с небольшим огородом стояла в углу усадьбы рядом с домиком псаломщика. Оба эти дома выходили на большой пустопорожний выгон, на котором паслись ягнята, гуси да свиньи.

Батюшка отворил дверь в небольшие сенцы и ввел Настю в комнату, предназначенную для учителей и учительниц школы. Эта довольно просторная комната была и кухней с варистою печью и "комином", который доходил до самого потолка. Печь была заслонена ситцевой занавеской. Комната была не особенно большая, но светлая, с двумя большими окнами, чистенькая, белая, веселая. Сторож школы Свирид снял вещи с фаетона, запакованные в связках, в которых было сложено все убогое имущество Насти, и положил на кровать с сенником. Батюшка ушел домой и обещал зайти к ней, чтобы показать ей комнаты для занятий с учениками. Настя живо распаковала связки, вынула вещи и отворила небольшой сундучок, застлала свое убогое ложе, завесила окна белыми коленкоровыми занавесками, накрыла столик дешевенькою скатертью. Комната как будто блестела и сияла белым матовым светом, освещенная вечерним светом Заходящего за вербами солнца. Настя быстро и проворно покончила с работой, вышла на крыльцо, посмотрела на все стороны площади, осматривая окружающий ее вид: хаты за выгоном по обеим сторонам зеленого выгона, загнутого

углом, с огородами среди высоких старых диких груш, старых верб, которыми были обсажены огороды над выгоном. Рядом с школою как будто в одном, общем дворе Настя увидела хорошенький небольшой домик псаломщика. Домик выходил крыльцом не на выгон, а был обращен к школе. Домик с крыльцом было видно между овином и коровником с свинушником, выходящим прямо на выгон.

Приезд учительницы как будто разбудил и привел в движение псаломщикову усадьбу. Собаки лаяли и бросались на извозчика за воротами и на лошадей. Псаломщик и его дети выбежали на крыльцо. Жена псаломщика Ксения Климентьевна даже сошла со ступенек крыльца так скоро, что испугала наседку с цыплятами, приютившуюся возле крыльца. Наседка как будто крикнула в испуге, цыплята закричали и разлетелись на все стороны. Псаломщице так захотелось посмотреть на новую учительницу, что она была готова побежать и посмотреть на молодую девушку. Псаломщик, Лука Корнилиевич Евтушевский, еще молодой, также охваченный любопытством, почти побежал к крыльцу школы. Жена его почти шепотом приказала ему пригласить на чай новую учительницу, так как самовар уже закипел.

Учительница, увидев, что псаломщик направляется к крыльцу, сошла со ступенек ему навстречу и отрекомендовалась. Псаломщик сам недавно был учителем года два в этой школе, был регентом хора и учителем пения. Он хорошо понимал это дело, был в молодых летах хористом в архиерейском хоре и вдобавок сам играл на скрипке и любил музыку и пение.

Псаломщик вынул ключ из кармана, отпер двери в две просторные комнаты, служившие классами для двух групп школьников, и вручил ей ключ от книжного шкафа, в котором лежали две большие церковные богослужебные книги и валялось несколько учебных книжек и где не было ни одной книжечки для чтения, предназначенной для школьников.

Псаломщик пригласил учительницу к себе на чай, чему она была очень рада. Новое место жительства в пустом доме наводило на ее

душу какую-то неопределенную тоску. Она была очень рада познакомиться с соседкою, побывать и посидеть в гостях и провести первый вечер в семье новых знакомых.

Псаломщица была простая женщина, но ее нельзя было назвать старосветскою дьячихою. Она была грамотна, умела читать и писать, но не умела говорить по-русски. Но с виду она была похожа даже на даму, была одета в черное платье, чистенькое и прилично сшитое, и причесана, как настоящая дама. Она была умна, веселого характера, живая, умела вести разговор; ее рассказы были полны юмора, как у крестьянок, бойких, умных и веселых. Она так ловко умела охарактеризировать какую-нибудь матушку или соседку крестьянку, что иной писатель позавидовал бы колоритности и тонкости обрисовки характерных черт тех особ, про которых она рассказывала.

Осмотрев помещение в школе, псаломщик, Лука Корнилиевич, замкнул дверь в школе и вместе с Настей отправился домой. Ксения Климентьевна ждала гостью, приготовив все на столе в маленькой, чистенькой и уютной гостиной. Долго они сидели за чаем, и все время Настя расспрашивала псаломщика о занятиях в школе, о числе школьников, посещавших школу. Хозяйка, веселая, разговорчивая, занимала Настю рассказами о бывших учителях и учительницах в школе. Надворе смеркало. Лука Корнилиевич взял со столика скрипку и проиграл несколько украинских песен и козачков для танцев. Молодая учительница приятно провела вечер и встала. Было уже довольно поздно. Псаломщик взял подсвечник и спички, провел ее до школы, защищая палкою от двух свирепых собак, отпер дверь в темные сенцы, зажег свечу, дал ей свечу и спички, пожелал ей спокойной ночи и ушел, обещая немедленно прислать сторожа в школу.

Настя развязала одну связочку, вынула платье и пальто, повесила на вешалке возле двери, села возле стола и задумалась.

В школе и вокруг школы было так тихо, как будто в усадьбе и во всем селе не было ни живой души. Даже собаки в дворе не лаяли, как

будто и они заснули. Настя была горожанка, выросла в Киеве, привыкла к городскому шуму, городской сутолоке. Училась она в духовном епархиальном училище, но отец ее был не духовного звания, а простой портной из крестьян большого местечка

Корсуня в Каневском уезде, где он окончил курс двуклассного училища, занимался своим ремеслом в местечке, в котором заказов на лучшее платье было немного, что и побудило его перейти в Киев. Мать Насти была модистка, шила платья для мелкой буржуазии и кое-что зарабатывала. Она была католичка, но не полька, а украинка, а по-польски даже не умела говорить. Против самой квартиры портного Легезы было второе епархиальное женское училище. Отец Насти отдал ее в училище, так как имел средства вносить в училище небольшую плату за право учения, да и девочке было удобно ходить в училище, а не бегать в городскую школу за версту и более. Настя училась хорошо, окончила курс в епархиальном училище и просила места учительницы в каком-нибудь училище в Киеве. Но кандидатов на места учителей и учительниц было очень много. Настя подала прошение в училищный епархиальный совет и в скором времени должна была отправиться в село Трашки для занятия места учительницы сельской школы. Отец ее был семейный человек; подрастали меньшие дети, расходы увеличились, и для облегчения отца и матери Настя решилась занять место в сельской школе.

Настя впервые очутилась в деревне в пустом доме в ночное время. Мертвая тишина казалась ей чем-то тяжелым, почти невыносимым, как будто ее обкял густой тяжелый туман, тяжелый и темный. Ей казалось, что ее заперли в каком-то мрачном погребе или в подземелье и она должна провести ночь в этом подземелье.

Настя долго сидела, задумавшись. Она вспомнила о покинутых родных, и перед ее глазами как будто мелькнули комнаты квартиры ее отца с окнами во двор, освещенные лампами. Она как будто увидела своих младших братьев и сестер, которые в эту пору бегали по комнатам и шалили после ужина, как будто услышала их веселый смех

и щебетанье. Эти воспоминания навели на нее грусть. Она вздохнула, и слезы неожиданно полились из ее глаз. Она почувствовала, что ее сердце как будто сжала чья-то сильная рука, сжала крепко, до боли.

Неожиданно в сенцах заскрипели двери и шумно затворились. Настя так испугалась, что вся задрожала. Она встала и закричала на всю комнату:

— Кто там?

И, не дождавшись ответа, она побежала к дверям, схватила крючок и заперла дверь. Она даже забыла о том, что псаломщик говорил ей о стороже Свириде, который должен был прийти ночевать в сенях школы.

— Это я! Сторож! — послышался голос в сенях.— Я пришёл ночевать. Может быть, вам что-нибудь нужно?

Настя открыла дверь в сени. В сенях было темно. В дверях появилась фигура сторожа, высокого, сухощавого, пожилого Свирида.

— У меня в комнате нет ни капли воды. Принеси, пожалуйста, мне кувшин воды,— попросила Настя.

— Хорошо! Сейчас! У меня здесь в сенях есть кувшин. Я пойду к псаломщику, наберу воды и сейчас принесу вам, — сказал Свирид и мгновенно исчез в темных сенях.

Насте стало веселее, когда в темных сенях появился живой человек; ей не было уже так страшно в темном пустом доме среди пустого большого выгона. Неповоротливый, как вол в ярме, Свирид скоро вернулся, поставил кувшин с водою на столе и положил два кусочка черствого хлеба, корки и обрезки твердой сподки.

— Это зачем? Я напилась чаю и поужинала в гостях у Луки Корнилиевича и не голодна,— сказала Настя, не понимая значения этих черствых объедков хлеба.

— А це, бачте, задля того, щоб обороняться от собак, если вам будет нvжно ночью во двор, потому что во дворе два лютых пса. Собаки вас не знают, могут броситься на вас и, сохрани вас бог, еще покусают вас или по меньшей мере порвут на вас исподницу.

— Как же я оборонюсь от собак хлебом? Может быть, у тебя есть палка?

— Да вы бросайте им кусочки хлеба и корки, так они не набросятся на вас, как волки на овцу,— усмехнувшись, сказал Свирид. — Здесь уже было неприятное приключение с одной учительницею, когда она первый раз вышла утром из школы: собаки набросились на нее так неожиданно и так энергично дергали зубами платье сзади, что почти изорвали его в куски. А завтра, когда выйдете, бросайте собакам по кусочку хлеба, так они попривыкнут к вам и будут знать, что вы свой человек, а не прихожий. Теперь, пока школа пуста, я сплю в меньшем классе, вот там, где в углу стоит куль [сноп] соломы. Но в эту ночь я буду спать в сенцах, вот там под лестницей, против ваших дверей, чтобы вам не было так страшно спать в первую ночь. Расстелю куль соломы в углу под лестницей да и буду спать. В школе у нас были и учителя, и учительницы старые, бывали и молодые панны, так я хорошо знаю их привычки и нравы. Одни учительницы ничего не боятся — ни воров, ни разбойников, ни самого черта, если бы он заглянул в комнату и показал свои роги да белые зубы. А такие молодые, как вот, примером, вы, первую ночь так боятся, что почти не спят всю ночь, да все смотрят на окна. Хорошо вы сделали, что завесили окна: вероятно, знали, что в вашей комнате есть окна, да еще аж два окна.

Свирид, сказавши барышне "на добраніч", ощупью отправился в класс, взял куль соломы, разостлал солому в углу на полу, лег на свою

аскетическую постель и почти в одну минуту засопел и захрапел на все сени и на все комнаты в здании школы.

Настя еще долго сидела, погрузившись в свои думы и воспоминания. Но в сенцах Свирид так энергично храпел, свистел носом и зачем-то цмокал губами, что Насте невозможно было думать и сосредоточить на одном предмете свои мысли да думы. Она потушила свечу и, утомленная поездкою в душном вагоне, под звуки Свиридовой музыки в сенцах, закутавшись с головою в одеяло, мгновенно заснула крепким сном. И ей все снились лютые собаки, какие-то странные — большие, как апокалипсические звери, которые окружили ее со всех сторон и все время смотрели на нее большущими страшными глазами, а из глаз все сыпались красные искры и падали на ее платье, и на руки, и на башмаки.

Утром, когда она умылась и причесалась перед маленьким зеркальцем, привезенным из Киева, псаломщикова служанка пришла и сказала Насте, что псаломщица приглашает ее на чай. Настя одела лучшее платье, вышла на крыльцо и направилась к дому псаломщика, держа в руке кусочки хлеба как приманку для защиты от собак. Но она вдруг увидела, что между овином и свинушником стоит какой-то зверь, похожий на апокалипсического зверя, и направляется к ней. То была йоркширская свинья, большая, как медведь, курносая, похожая на большущего мопса, с рылом, поднятым вверх, с широкими ноздрями, которые были обращены к небу, с большими круглыми свирепыми глазами. Зверь шел прямо к ней навстречу и напоминал большую гиену, которая была готова броситься к ней не хуже псаломщиковых собак. Настя испугалась, вернулась назад и крикнула к Свириду. Свирид вышел из сеней и пошел к Насте. Он захохотал на все подворье.

— Проведи меня, Свирид, до дома. Я боюсь этой свиньи. Она как будто собирается броситься на меня, как собака. Я слышала, что в деревне бывают такие злые свиньи, которые гоняются за людьми и даже нападают на детей, как собаки.

— Да не бойтесь же этой свиньи! Эта аглицкая свинья только страшна с виду, но она не кусается. Когда она идет по улице, то маленькие дети убегают от нее и прячутся по дворам. Здесь у нас в Белоцерковщине графы Боаницкие давно развели и распространили по всему уезду эту породу свиней. Дьячиха купила этого зверя в Белой Церкви и откармливает ее на убой, потому что эти свиньи дают больше сала, чем наши. Она шла к вам, вероятно, за подачкою. Дети псаломщика кормят ее с рук, тычут ей в зубы куски тыквы или выеденные корки дынь да арбузов.

Настя взяла один кусок хлеба и сунула ей в рыло. Свинья подняла, вверх курносую морду, разинула пасть так жадно, что широкие черные ноздри зачернели, словно другая пара черных очей. Свирид провел Настю до крыльца. На крыльце стоял Лука Корнилиевич и хохотал.

— А что! Вас таки порядком испугала эта курносая морда.

— Я нигде не видела такого медведя меж свиньями, и она меня таки порядочно напугала. Она бросилась ко мне навстречу, чего не делают свиньи,— сказала Настя, подавши руку псаломщику и его жене, вышедшей ей на-встоечу на крыльцо.

Настя вошла в комнату, где на столе стоял самовар, и как будто ожила среди приветливых людей и детей, напомнивших ей дом отца и его семейство. Не успела она еще допить стакан чаю, как матушка прислала служанку и приглашала прийти к ней на чай.

— Обождите немножко. Я оденусь и проведу вас в двор батюшки. Там тоже есть в дворе две гиены, небезопасные для вас, пожалуй, похуже моих. Мы, как видите, живем отдельно от людей, как будто в особенном квартале, а не среди села, так нам и нужно держать для безопасности лютых гиен.

Псаломщик провел Настю до самого крыльца, защищая ее от двух собак. На крыльцо вышел отец Моисей и провел Настю в столовую, где за столом сидела матушка и ждала ее, приготовив все нужное к чаю и завтраку. После ночлега в пустой школе, как будто в заезжем доме или в корчме в степи, Настя очутилась в светлой комнате, среди детей и стала бодрее и веселее.

За чаем отец Моисей попросил Настю, не согласится ли она обучать двух старших его детей, а матушка предложила ей за это обед, заблаговременно извиняясь, если у нее обед не всегда будет городской, а сельский.

— Мы будем посылать вам булки к чаю, потому что у нас в селе никто не продает булок, да и в лавке здешнего еврея не всегда можно купить булку. Каждый печет хлеб и иногда булки только для себя. Мы раза два в неделю ездим в местечко и покупаем говядину, но иногда нет надобности ездить в местечко. Тогда мы готовим для себя борщ сельский без мяса,— сказала матушка.

— Я согласна обучать ваших детей, буду приходить после уроков в школе и буду заниматься с ними. Относительно обеда могу сказать, что буду очень благодарна за обед. У нас в Киеве не всегда бывает борщ с говядиною. В этом отношении я не требовательна и не избалована.

— У нас теперь две дойных коровы. Молока у нас много. Присылайте Свирида за молоком по утрам каждый день,— сказала матушка.

— Пока будут длинные дни, мои мальчики будут ходить к вам в школу для занятий, а в зимнее время вы будете приходить к нам после своих уроков, посидите у нас, проведете время в длинные зимние вечера, не будете скучать в одиночестве. Ведь молодые барышни учительницы страшно скучают в деревне. А к нам иногда приезжают в гости и паничи, довольно развитые и красивые, — сказал отец Моисей и

весело засмеялся и глаза прижмурил, посматривая на красивую учительницу.

Настя покраснела и усмехнулась, опустивши веки с черными длинными ресницами.

— Вероятно, у меня будет так много работы, что не будет времени думать о паничах. Спасибо вам за то, что вы будете посылать своих детей ко мне на занятия. Я страшно боюсь собак, а здесь у вас собаки очень злые, не такие, как у нас в Киеве. Настоящие волки! Да и свинья у псаломщика страшная, похожа, на черта. Лука Корнилиевич уверял меня, что она не бросается на людей, а я ему не совсем верю. Как посмотрю на ее морду, то у меня возникает опасение, что она бросится на меня.

И отец Моисей и Мелания Андреевна захохотали и убедили ее, что черт не такой страшный, как его малюют.

— Я и чертей боюсь, и йоркширской свиньи все-таки побаиваюсь: зубы у нее, как клыки у собак, а широкие ноздри вверх приводят меня в какое-то содрогание.

— Не бойтесь ее! Будьте покойны. Это дети Луки Корнилиевича приучили ее подходить близко к людям: они кормят ее с рук кусками тыквы да зелеными арбузами,— успокаивала Мелания Андреевна Настю, а дети хохотали и, наконец, уверили ее в безопасности от этого страшного зверя.

После чаю и завтрака отец Моисей провел Настю на крыльцо и прогнал палкою собак, которые стояли у крыльца.

— Я пойду с вами, буду защищать вас в дороге от ваших врагов и покажу вам школьные классы, осмотрю их, потому что нам придется скоро открывать школу для приема школьников,— сказал отец Моисей.

В школе батюшка осмотрел убогую комнатку учительницы и классы.

— В здешней школе, как я вижу, нет совсем библиотеки и книг для чтения. Шкаф для книг совсем таки свободен от книг,— сказала Настя, провожая батюшку по классам.— Я не буду иметь никаких книг для чтения и пропаду от скуки в зимние длинные вечера,— сказала Настя чуть не со слезами.

— Не беспокойтесь! У меня найдутся книги для чтения. У меня есть журнал "Нива" за несколько лет с приложениями сочинений русских писателей. Пришлите когда-нибудь Свирида, и я приготовлю для вас "Ниву" с приложениями некоторых авторов,— сказал отец Моисей, прощаясь с Настей.

Настя привела в порядок все в комнате, приказала Свириду подмести в комнате и в сенцах, взяла палку в углу сеней и пошла на прогулку через большой выгон к пруду, где был центр села, где стояла на холме церковь, а поближе к плотине пруда по обе стороны большой почтовой дороги белели две лавки крестьянские и одна еврейская, в которых продавались товары, нужные для крестьян: горшки, миски, сало, керосин, постное масло и даже бумага и чернила специально для школьников. Местность вокруг большого пруда была очень красива. На широкой плотине по обе стороны росли столетние вербы и осокори, образуя прекрасную аллею. Старые деревья как будто срослись ветвями вверху, и под ними чернела густая тень. Берег пруда был везде зеленый, везде над водою зеленели старые густые вербы. По обеим сторонам пруда крестьянские огороды доходили до самого пруда, а за вербами и огородами на покатых холмах белели большие хаты в садах. Некоторые из них как будто смотрели на зеленую долину с прудом блестящими окнами, словно глазами. За плотиною стояло большое четырехэтажное здание крупчатки с широким крыльцом, выходившим на улицу, обсыпанное мучною пылью, почти белое. На крыльце сидели и торчали всякие мирошники [мельники], рабочие, тоже белые от мучной постоянной пыли; по улице беспрерывно сновали прохожие поселяне, проезжали возы с кладью, направляясь в большое местечко, то

останавливаясь возле магазина, где рабочие переносили мешки с пшеницею с возов в большой магазин. Вода шумела под колесами крупчатки. Против крупчатки на холму над самым прудом белел домик, где были квартиры механика и его помощника. Везде было заметно движение в этом оживленном пункте села. По широкому пруду везде белели кучи плавающих гусей, серых уток. Гуси кричали каким-то веселым радостным криком.

После постоянного пребывания в доме с тесным двором, обставленном высокими домами, Настя почувствовала широкий простор этой широкой зеленой долины с блеском воды на поверхности пруда, с шумом воды на "лотоках" под колесами, с криком веселых гусей да уток. Она почувствовала себя как будто более свободной в этом просторе, зеленом, колоритном, с прекрасным, чистым воздухом под высоким шатром синего неба.

— Как здесь хорошо! Как мне легко здесь дышать! Как будто не я дышу, а дышит сама грудь, дышит все мое тело этим чудным воздухом. Мне кажется, что я теперь на какой-то чудной зеленой даче где-нибудь возле Киева в Мотовиловке или в Боярке. Если бы только не лютые здешние собаки и не такие страшные свиньи, как здесь на селе, я была бы вполне довольна и счастлива. Только жаль, что здесь нет моих приятельниц и подруг, да найду ли я здесь таких подруг в этом глухом месте — образованных, развитых? Матушка образованна, но моя соседка псаломщица почти простая женщина, вероятно, нигде не училась. Мне с нею даже трудно поддерживать и вести разговор. Рассказы и разговоры о йоркширских свиньях да коровах меня совсем не интересуют.

Долго Настя гуляла над прудом, заглянула в чайную, небольшой хорошенький домик в два этажа, осмотрела помещение. В нижнем этаже "громада" поместила сидельца винной лавки, бывшего унтер-офицера. Настя возвращалась домой в веселом настроении духа, тихонько напевая песню. Место было оживленное, людное: собак нигде не было. Они спрятались в двери лавчонок.

Но молодой учительнице пришлось скоро убедиться, что у нее будет мало времени и для чтения книг, и для посещения новых знакомых в деревне. Каникулы оканчивались. Открыли школу для приема школьников и школьниц. Крестьяне приводили детей с утра до вечера каждый день. Навели детей так много, что батюшка и Настя принимали их до позднего обеда и даже после обеда. Количество принятых в школу детей было так велико, что ими наполнили обе классные довольно большие комнаты. А детей все приводили и просили принять в школу. Им отказывали, так как в школе не хватало места на скамьях. Село было большое, а школа была небольшая. О постройке другой школы или расширении старой, конечно, в деревне никто и не думал.

Детей разделили на две группы. В меньшей комнате посадили тех школьников, которые уже посещали школу в прошлую зиму. Большая комната была набита школьниками, как бочка сельдями. Пришлось поставить нескольких школьников у окон, посадить на подоконниках, чтоб не обидеть некоторых зажиточных крестьян, которые привели в школу детей поздно, уже после приемных испытаний.

Когда в зимние месяцы дни стали очень короткие, Настя должна была заниматься весь день, вставая утром на рассвете. Школьники приходили в школу на рассвете. Оканчивались занятия по заходе солнца. Настя отпускала школьников домой на обед только на один час, так как и сама она отправлялась к отцу Моисею обедать.

Село было большое, но узкое и растянулось на три-четыре версты над обоими берегами речонки Раставицы, которая впадала в пруд и выходила из пруда ниже крупчатки. Многие школьники с далеких концов села не ходили обедать домой, а приносили с собой "харч" в мешочках, заменяя хлебом да кусочком сала обед.

Новая учительница как горожанка начала обучать школьников, говоря с ними по-русски, но скоро заметила, что сельская аудитория совсем не понимает ее объяснений.

— Лука Корнилиевич! — призналась она псаломщику.— Что это значит и в чем причина, что я учу детей читать — и никак не могу научить? Или я глупа, или же неопытна в деле обучения чтению и письму? Вы были учителем и опытнее меня.

Лука Корнилиевич усмехнулся и сказал ей, чтобы она учила школьников, говоря с ними сельским украинским языком, иначе она ничему их не научит.

— Был у нас учитель, окончивший курс духовной семинарии со степенью студента. С ним случилось то же самое, что и с вами... "Учу их неделю, потом другую, а школьники не делают никакого успеха и только смотрят на меня, как бараны, бессмысленными глазами. Одного дня по окончании моей "лекции" я говорю им:

— Дети! Идите завтракать.

А они все сидят неподвижно и смотрят мне в глаза. Я опять повторяю им приказание, а они все сидят. Только тогда я догадался, что моя аудитория меня не понимает. Тогда я крикнул:

— Хлопці, йдіть снідать!

Хлопцы в один момент встали и двинулись к дверям, чуть не свалили меня с ног". С того времени и учение у него пошло успешнее. Так делайте и вы, если хотите выучить их читать и писать. Да мы, учителя, это знаем и все так делаем. Наши сельские "дядьки" посылают детей в школу, собственно, для того, чтобы они выучились читать, писать и умели писать цифры. Многие отцы сами учатся у детей, как писать цифры для записывания счета копен и пудов пшеницы, ржи, проса и т. д.

Начались морозы. Старая школа была до того холодна, что ее невозможно было натопить. Учителя и учительницы занимались в

большие морозы в зимнем платье и в колошах. Сам отец Моисей, приходя на урок, сидел в теплой рясе и в колошах.

Воздух в классах был такой спертый и вонючий, что трудно было дышать. Воздух был пропитан тяжелым запахом лука, которым питались школьники на большой перемене как приправою к кускам черствого хлеба. Пахло овечьею шерстью от суконных свит [армяков] школьников, старых, заношенных. Ни в одном окне не было форточки для освежения затхлого воздуха.

Отец Моисей, приходя на свой урок, начинал дело с освежения воздуха. Он отворял двери в обоих классах, а сам уходил на крыльцо, ожидая несколько минут, пока освежится воздух, и входил в класс.

— У нас в школе есть прекрасный, быстро действующий вентилятор, а вы и не догадались,— сказал он учительнице, задыхавшейся в смрадной атмосфере.— В сенцах есть отверстие на чердак, где приставлена к стене лестница. В течение урока вы отворяйте дверь в сенцы, и широкий вентилятор мгновенно освежит воздух, и вы будете дышать кислородом, а не запахом лука и дегтя.

— А я и не догадалась, где находится такой странный вентилятор. К концу урока у меня всегда болела голова. Спасибо за совет.

Когда смеркало надворе, Настя отправляла по домам своих питомцев и шла в свою комнату, ложилась на кровать и отдыхала, пока Свирид ставил самовар. Выпив чай и немножко отдохнув, она отправлялась к батюшке и занималась с двумя мальчиками. И только после этих занятий она отдыхала, приятно проводя время в разговорах и воспоминаниях о епархиальном училище и своих общих знакомых. И только возвратясь домой, Настя могла позабавиться чтением "Нивы" и познакомиться с некоторыми авторами в приложениях к журналу.

Зима приходила к концу. Учение в школе обыкновенно продолжалось до пасхи. К концу учебного сезона Настя чувствовала себя очень утомленною. Она ждала пасхи и окончания занятий, как большого праздника. При своем слабом здоровье она чувствовала такое утомление, какое чувствуют крестьяне в страдную пору летом, работая на поле.

После пасхи крестьяне обыкновенно не посылают детей в школу. На полях начинается работа. Мальчиков посылают в поле и на пастбища стеречь лошадей, овец и ягнят. В школу ходят очень немногие ученики, только те, которые готовились держать экзамен на льготу по отбыванию воинской повинности. Работы в школе стало наполовину меньше. Настя почувствовала облегчение, как будто с ее плеч свалилась половина тяжести, какую она несла на своих плечах всю зиму.

Пасха была поздняя. Весна расцвела во всей своей красе. Запели в вербах, кустах и садах соловьи. В этой широкой низине их было бесчисленное множество и в садах, и в кустах верболоза по берегам речки и большого пруда. Казалось, что пела по-соловьиному каждая верба, каждый куст, каждая ветка кустов! Вдали в роще куковали кукушки; иволги выводили свои нежные рулады, как будто слышны были нежные звуки флейт в этом весеннем оркестре птичьего пения, гимнов весне. Нежно-зеленые почки облепили ветки верб и садов, как зеленым мохом, разливая по долине нежный аромат осокорей и тополей. Вершины густых деревьев зазеленели, будто чья-то невидимая рука набросила на них нежные зеленые руна. Цвели в садах густые вишни, будто облитые нежным белым гагачьим пухом.

Настя, по окончании уроков, любила бродить и прогуливаться над прудом протоптанной тропинкою по садах и огородах "сукупных", отгороженных тынами [плетнями] один от другого, как обыкновенно бывает в садах и огородах, прилегающих к речкам и прудам, доходя до самого конца села, где небольшая речка Раставица впадала в пруд. Эти чудные берега речонок и прудов с садами, рядами осокорей, верб и

тополей похожи на чудные зеленые парки влажной Дании и Англии, но созданы и украшены самой природой.

Однажды в хорошую ясную погоду в воскресный день Настя пошла на прогулку тропинкою в огороды и сады над прудом, чтобы погулять и отдохнуть вдоволь в свободный от занятий день. Тропинка вилась по зеленой мураве над берегом, словно гадючка ползла по зеленому ковру, извиваясь то в густых "вишниках", то в старых садах, то в рощицах ольхи и осокорей, разбросанных по зеленой траве. Она любовалась разбросанными садиками, заходила в густые, как облака, вишникй, словно сплошь закутанные в белый покров цвета вишен, как в белый нежный вуаль. Ей стало легко на душе. На сердце вспорхнула поэзия, будто ее принес запах цвета вишен. Радость неожиданно обняла ее душу: она тихим голосом запела народную песню: "Лугом іду, коня веду. Розвивайся, луже! Сватай мене, козаченьку: люблю тебе дуже".

И перед ее глазами как будто мелькнули образы знакомых подруг, приятельниц и... знакомых "паничей" кавалеров. Воспоминания как будто ожили в памяти и явились в живых образах под тенью белоснежных вишен и зеленых верб, обсыпанных желто-зеленым пухом цвета.

Настя вышла из "вишника" на луг и направилась по тропинке к реке. По тропинке шел навстречу ей крестьянин Матвей Грынь, очень красивый человек средних лет, статный, рослый, плечистый, румяный брюнет с светлыми карими глазами, с черными длинными усами. Он снял черный котелок, поздоровался с ней, остановился, но не осмелился подать ей руку. Его сынок ходил в школу. Матвей спросил ее, как учится его сын.

Настя заметила и помнила этого Матвея Грыня, когда он приводил своего сынка в школу. Он и тогда бросился ей в глаза как красивый мужик. Но тогда он был в простой черной свите [армяке] с небритым подбородком. Теперь она увидела его одетого в праздничный светло-синий, почти голубой жупан [казакин] , который шел ему к лицу. Его

подбородок был чисто побритый, усы были закручены. Его спокойные красивые карие глаза были с блеском. В черном городском котелке, какие в последнее время стали носить крестьяне вместо соломенных самодельных шляп — "брылей". Матвей был похож на красавца пана под сорок лет, но его остальной наряд был настоящий крестьянский.

Поговорив с учительницей о своем сыне, Матвей поклонился Насте, подняв шляпу, и пошел по тропинке в "вишник".

Настя пошла по тропинке, любуясь светлою речонкою и вишневыми садиками за рекой, белыми, словно обсыпанными пухом. Но красавец Матвей мешал ей любоваться садиками. Он будто стоял перед ее глазами, смотрел на нее блестящими карими глазами, разговаривал с нею, шевеля длинными усами. Она почувствовала, что ее сердце, пришибленное тяжелою беспрерывною работою, вдруг проснулось и зацвело, как зацвели вишни и груши в садах. В сердце проснулось чувство любви, проснулась потребность любить. Неясные, но приятные мечты возникли неожиданно, вились в душе, как рой пчел в ясном блеске весеннего солнца. И она шла, задумавшись, опустив голову, и даже не смотрела на прелестные виды за рекой. Насте припоминались знакомые в Киеве, которые ей немножко нравились, про которых она даже совсем забыла в часы тяжелой долгой работы в школе.

Настя вздохнула, не обращая даже внимания на картины цветущих садов. Вся прелесть весны перестала интересовать ее, даже мешала течению приятных воспоминаний о чем-то, о ком-то там далеко, в Киеве.

Она вернулась домой. Ей хотелось остаться одной в своей уютной маленькой комнатке и мечтать наедине. Но время было позднее; нужно было поспешить к обеду у отца Моисея.

"Чего я задумалась? Чего я затосковала без всякой причины?— думала Настя, причесываясь перед своим маленьким зеркалом на столе

и приаккурачиваясь к обеду.— Была весела и даже чувствовала себя счастливой, пела песню в вишнях. И вдруг как будто с синего неба свалилась на сердце тоска о чем-то, о ком-то. Вероятно, я упилась свежим весенним воздухом на низине над рекою. Это со мною случалось не раз и в саду при училище",— думала Настя, направляясь к дому батюшки через огород и гумно.

Но за обедом у матушки велись иные разговоры и о вещах, которые не имели никакого отношения к душевному состоянию Насти, и неожиданная тоска на сердце Насти развеялась, как туман на ветру, а красавец Матвей исчез в ее памяти, как будто он провалился сквозь землю.

Но когда Настя воротилась домой и осталась одна в своей комнатке, освещенной ясным золотым светом солнца, сердце ее опять заговорило, не давало ей покоя. Мечта за мечтою возникала в ее душе, как длинный ряд журавлей в голубом небе, которые летели длинными ключами, направлялись к теплым странам и нежно ворковали в глубокой выси. Сердце к кому-то льнуло, как льнет пчела к пахучим цветам черешен да вишен. Мелькнули в памяти цветущие вишни, красавец Грынь как будто стоял перед ней и смотрел на нее блестящими карими очами.

Сердце ее желало любить. Чувство любви назойливо шевелилось в сердце. Матвей Грынь разбудил своими глазами дремавшее чувство. Но идеал ее любви был не сельский красавец в жупане, а городской — в сюртуке и цилиндре, даже в перчатках и с хлыстиком в руках. В деревне таких идеалов не существовало.

Настя часто видела пожилого арендатора имения, его двух приказчиков, которые каждый день ездили верхом на прекрасных скакунах в поле для наблюдения за работами мимо школы. И арендатор, и приказчики [экономы] были некрасивы, какие-то курносые простые "панки", и ей нисколько не нравились. Настя часто встречалась у псаломщика с волостным писарем и его двумя помощниками, молодыми, но простыми: они были грамотные крестьяне, недавно

окончившие курс учения в местной школе, малообразованные люди в дешевеньких пиджачках, сшитых местным портным Аврумом, которые висели на них складками, как мешки, в которые влезли эти кавалеры и сидели в них, выставив головы и руки с толстыми и грубыми пальцами.

Начались весенние дожди. Несколько дней Настя занималась с старшим классом, а по вечерам страшно скучала. Книжки уже мало интересовали ее. И только спустя неделю выглянуло солнышко из-за темных весенних туч. Когда установилась ясная погода, Настя опять услышала весенний хор пташек. Вокруг выгона в вербах пели соловьи и трещали пташки. Кукушки где-то далеко будто перекликались, заблудившись в садах и рощицах. Вся околица как будто веселилась и пела, как поют, "дружки" на свадьбах, величая невесту.

После урока Настя не могла оставаться в комнате одна. Она взяла зонтик, одела шляпку и направилась к месту недавней прогулки, где она встретила Матвея Грыня, где он недавно встретился с ней, пробудил чувство тревожное, но приятное, полное поэзии, наводившей ее на мечты. Она направилась по тропинке через "сукупные" огороды, и ей захотелось постоять и помечтать в белом "вишнике", пока еще цвели вишни и цвет их не осыпался. Вишни цвели, как и прежде. Белый матовый свет лился сверху и падал на ее красивое матовое лицо с темными глазами. Она стояла и любовалась этим нежным таинственным светом и как будто кого-то поджидала, кого-то искала, надеялась встретить. Она вышла на открытое место. Но на лугах не было никого. День был рабочий, будний. А в природе было празднество: пташки по-прежнему щебетали, гуси, утки плавали на реке и весело кричали. Гусь в одном стаде бил крыльями по воде и кричал в каком-то экстазе весны, как сумасшедший. Только изредка через тропинку переходили, спускаясь с пригорка, "дівчата" с ведрами на коромыслах и направлялись к реке за водой. И дивчата пели песни, как пели свои песни соловьи и всякие пташки. Настя прислушивалась к песням дивчат, ловила на лету куплеты песен: в песнях воспевалась любовь молодой девушки к козаку — то счастливая, то неудавшаяся, горестная. И пташки, и дивчата пели про любовь в тон настроениям души Насти.

Настя, погруженная в мечты, зашла далеко, дошла до мостика через небольшую речонку Камянку, которая, извиваясь по зеленым долинам, впадала в Раставицу. По обоим берегам Камянки белели в цвету круглые "вишникй", густо разросшиеся вокруг старых вишен, от корней которых вырастали отростки и отпрыски и со временем являлась целая густая вишневая рощица. По огородам зацвели старые дикие груши. Они белели в своем прекрасном весеннем наряде, как невесты в белых венчальных нарядах.

Настя долго ходила по этим белым садикам и устала. Она вышла на открытое место над берегом Раставицы, села на холмике, сняла шляпу и бросила ее на траву. Отдохнув, она думала возвращаться назад. Вдруг она увидела на тропинке какого-то господина, который вышел из садика, а рядом с ним шел крестьянин с какою-то связкою в руках.

"Кажется, идет пан писарь с каким-то крестьянином, вероятно, с волостным старшиною. Да и некрасив же этот волостной писарь: голова, как макотра, нос, как желтая луковка, губы какие-то кислые. Пожалуй, еще сядет на траве возле меня и начнет разводить свои рассказы про волостные дела да всякие предписания и заявления. Я, кажется, ему немножко нравлюсь. Наведет он на меня смертельную скуку и не даст мне налюбоваться чудесными пейзажами",— думала Настя, собираясь встать и удрать назад, а то и спрятаться в кустах зарослей вишняка.

Но она посмотрела на приближающихся людей и узнала своих знакомых.

— Да ведь это Лука Корнилиевич! Где он взялся здесь на лугу? Словно вырос из земли!

— Это вы, Настасья Тихоновна! — крикнул издали псаломщик.— Если бы я увидел вас в сумерки, вечером, я подумал бы, что русалка

вышла из воды и села на зеленом холмике, чтобы отдохнуть и полюбоваться цветущими садами и видами за рекой.

— Да это ж я, ваша давняя знакомая русалка из школы, а не из реки, — крикнула Настя и засмотрелась на Луку Корнилиевича. При сильном свете солнца она теперь только заметила, что его карие ясные очи были такие же красивые, как очи красавца Матвея Грыня. Теперь только она заметила его малиновые губы и пушистые усы, которые как будто шевелились при разговоре, и румяные свежие щеки.

— Вот вы теперь как на даче, да еще какой даче. Посмотрите, какая прелесть вокруг вас! Лучше этой дачи вы не найдете нигде в окрестностях Киева. Посмотрите, какая благодать! Здесь и соловьи, и кукушки, и гуси, и утки, и воробьи, и ласточки, и чижики, и жабы, и лютые собаки, и поросята, и йоркширские чудовища — все, чего хотите, — сказал Лука Корнилиевич и усмехнулся красными устами, смотря на Настю своими добрыми кроткими глазами.

— Что это такое вы, Петр, несете, завороченное в большой платок? Я вижу кончик чего-то черного, что выглядывает из-под концов завязанного платка,— спросила Настя церковного сторожа Петра.

— Та це ми вертаємось з похорону навпростець з кладовища,— отвечал сторож,

— А где же батюшка?— спросила Настя.

— Батюшку взял с собою посессор [арендатор] в брычку, чтоб завезти домой: он ехал мимо кладбища после погребения покойника,— объяснил Насте Лука Корнилиевич.

Красивые, почти черные глаза Насти сразу как будто затуманились, стали похожими на ягоды терна, покрытые росою. В ее сердце

нарождалась любовь, и вдруг она увидела принадлежности черные, погребальные, которые запахли ладаном.

— Какой недобрый знак! В такой светлый день, среди прекрасных видов весенней природы вдруг я вижу черное погребальное покрывало; запахло ладаном, как на погребении. Я слышу ваши рассказы о погребении. Недобрый знак, нехорошая случайность! — с легким оттенком грусти в голосе сказала Настя, обращаясь к Луке Корнилиевичу.

— Вот тебе на! Надворе как будто свадьба, а вы затянули за "упокой".

— Я как будто предчувствую что-то нехорошее для себя... То какая-то русалка вышла из воды, и... вдруг черное покрывало... запахло ладаном там, где пахнет вишневым цветом и весенней травкой. Этого я никак не ожидала,— с грустью в голосе сказала Настя.

— Да вы устали от тяжелой школьной работы в первый год вашей педагогической службы. Вы еще не привыкли к этой тяжелой работе, и это утомление наводит на вас такие мрачные думы,— сказал Лука Корнилиевич.

— Послужите довше в школі, то й оговтаєтесь з працею — утешил Настю Петро.

— Вот сегодня перед вечером я зайду к вам с скрипкой, и мы выучим один очень хороший романс, который я взял у белоцерковского учителя. Вы будете петь дискантом, я буду петь басом и вместе с тем буду аккомпанировать на скрипке. Музыка очень красива. Тогда ваша грусть уйдет в Киев, а может быть, и дальше Киева,— сказал Лука Корнилиевич.

— Хорошо! Заходите. Я люблю петь и пела в нашей училищной церкви. Мне будет веселее в пустой школе. И мне пора домой. Нагулялась и устала таки порядочно. И я пойду с вами,— сказала Настя и встала, взяв в руку шляпку и надевая на ходу.

Перед вечером Лука Корнилиевич взял скрипку и ноты и пошел к учительнице. Когда в школе стало меньше работы, он частенько заходил к Насте со скрипкой и нотами. Как бывший певчий в хоре и как регент своего школьного хора он любил попеть и поиграть на скрипке. Пели они то украинские песни, то всякие романсы. Настя пела приму, первый голос, Лука Корнилиевич играл на скрипке второй голос дисканта, а сам вторил басом. Выходило очень красивое, изящное трио, так что их пение приходили в школу слушать и жена псаломщика, и иногда и матушка с детьми. Настя, очень изящная и молодая, немножко нравилась Луке Корнилиевичу. Она была стройна, изящна, с овальными почти черными глазами, тонкими бровями и нежным матовым цветом лица. Кроме того, она была образованнее псаломщицы, красивой, но дебелой, с манерами простой крестьянки, одетой в "панское" платье. Прекрасный голос Насти, ее грациозность и образованность, любовь к музыке и пению, собственно, и были причиною его частых посещений Насти в школе.

Когда Лука Корнилиевич снимал скрипку с крючка на стене и брал ноты, Ксения спросила его:

— Ты опять собираешься с визитом к Насте?

— Пойду и немножко поиграю на скрипке. Будем разучквать с Настей один романс,— ответил на ходу Лука Корнилиевич.

— Ты уж слишком часто посещаешь Настю. Смотри, чтобы она не влюбилась в тебя и не очаровала тебя своими черными очами да сладким голосом,— сказала Ксения вслед мужу через отворенную на крыльцо дверь.

Но Лука Корнилиевич, усмехнувшись, направился к школе с скрипкой под мышкой и нотами в руках.

Настя ожидала его посещения, приаккуратилась, причесала голову, просматривала партитуру и учила наизусть слова романса.

Лука Корнилиевич вошел в комнату причесанный, как будто прилизанный. Усы его были аккуратно причесаны, и их кончики были закручены вверх. Настя была очень рада его приходу, попросила сесть и налила стакан чаю, придвинув к нему тарелку с булкою, присланную ей матушкой. Он вынул из кармана платок и вытер пот на белом высоком лбу.

— Какой у вас простой и грубый карманный платок! У нас в Киеве господа таких платков не употребляют; у всех господ платки с тонкого полотна. А вот я приготовила для вас маленький подарок в благодарность за вашу заботливость о нашем школьном хоре. Я, как наблюдательная особа, давно заметила, что ваша "репетя" [Простая женщина] даже не умеет красиво вышить на карманных платках инициалы вашего имени, самые простые буквы узоров,— сказала Настя и при этих словах выдвинула ящик в столе и вынула тонкий карманный платок, на одном углу которого были вышиты большие начальные буквы имени и фамилии Луки Корнилиевича, кудрявого замысловатого рисунка с короною над буквами, от которой будто висели вниз красивые виньетки плюща и цветов.

Псаломщик долго рассматривал вышивку и, как эстет по природе, долго любовался изящным узором вышивки, но о "репете" ничего не сказал, как будто не дослышал или пропустил мимо ушей.

— Это вас в училище выучили так красиво вышивать всякие изящные узоры? Моя Ксеня с простых людей и не сумела бы вышить таких чудных вещей. Все это как будто намалевано красками на полотне. Спасибо вам за красивый презент.

— Конечно, ваша жена не сумела бы сделать таких вышивок. В нашем училище всякие такие "работы" преподает учительница. Она учила нас и вышивать, и вязать чулки. Обучала кройке белья, даже выучила кроить платья, блузки и кофты,— хвалилась Настя.

Любуясь прелестным узором вышивки, Лука Корнилие-вич догадался, что Настей руководило не одно чувство благодарности при этой красивой, но кропотливой работе, а иное, более глубокое чувство... Он был человек не молодой уже и не думал о том, что может внушить молодой девушке подобное чувство.

— Вы хорошо сделали, что научились шить и кроить всякое платье. А моя "жшка" не способна к такой изящной работе, как вышиванье, хотя она сама шьет белье и не нанимает швеи, как наша матушка, — сказал Лука Корни-лиевич.

— А! — сказала Настя и рукой махнула с пренебрежением.— Они обе какие-то "чупойды" [неряхи] , да еще сельские. И то, что умели и знали, позабыли в деревне,— промолвила Настя с пренебрежением, чуть не с презрением, не понимая неделикатности и невежливости в своих выражениях, потому что от своего папаши "кравця" [портного] и его подмастерьев сельских хлопцев часто слышала такие словечки, не придавая им значения неприличных выражений.

— Что они чупойды, так это отчасти истинно и верно,— сказал Лука Корнилиевич как будто по секрету с усмешкой на своих малиновых устах и растянул свои пушистые усы на румяные упругие щеки.

Лука Корнилиевич был человек смирный, с ровным характером; даже рассердившись, он никогда не кричал, даже не повышал голоса, обращаясь к жене, детям и прислуге, как человек добрый и сдержанный. Эта доброта и ласковость очень нравились Насте. Ей надоели в Киеве раздраженность и крики папаши и мамаши, их частые споры, иногда переходившие в мужицкую ругань. Она чувствовала, что

с Лукой Корнилиевичем ей приятно и посидеть, и поболтать, а особенно попеть с аккомпанементом скрипки.

Долго они разучивали новый романс, а потом пели народные украинские песни. В комнате темнело. Начинались сумерки. Настя зажгла лампу, и они продолжали петь одну песню за другой. Уже в довольно позднюю пору псаломщик вернулся домой, спрятав вышитый большой платок в карман нового сюртука. Жена встретила его с неласковыми словами.

— Чего ты так долго засиделся у своей певицы? Ужин давно готов, детям пора спать, а ты с ней, кажется, никогда не напоешься и готов петь с нею дуэты до рассвета.

— Да мы разучивали новый романс, такой чудесный и поэтичный, что я забыл о том, что время позднее. Даже забыл про ужин. Вероятно, ты завидуешь моему приятному препровождению времени. Пойдем завтра к ней, и ты послушаешь музыку.

— Нужны мне твои романсы, как прошлогодний снег, что был, да растаял. Напели мне романсов дети до невозможности,— сказала Ксеня с досадою в голосе.

Лука Корнилиевич, слушая выговор, и забыл про красивый презент, спрятанный в карман, и не похвалился жене.

На другой день перед вечером он опять снял с крючка скрипку, взял новые ноты и собирался отправиться к Насте.

— Ты опять идешь в школу играть и петь с Настей?— спросила Ксеня.

— Да. Хочу хорошенько разучить один романс и две украинские песни, пока не ходят в школу старшие школьники для подготовки к

экзамену. Когда начнутся занятия, тогда мало будет свободного времени для учительницы,— ответил Лука Корнилиевич, посматривая на нахмуренные брови жены.

Вернувшись домой поздно, когда накрывали стол для ужина, Лука Корнилиевич теперь только вспомнил о презенте Насти, вынул из кармана платок и показал жене, благоразумно умолчав о таких острых словечках критики на сельских трашанских дам, как "репетя", "чупойда". Ксеня долго рассматривала красивую кудрявую вышивку замысловатого узора, но, налюбовавшись вышивкою, как будто с неудовольствием ткнула платок в руки мужу.

— Было бы лучше, если бы ты совсем прекратил свои визиты Насте и бросил пение да игру. Настя красива. По селу пойдут всякие сплетни, пересуды.

— Вот тебе на! Еще что выдумай! Какие пойдут сплетни? Какие пересуды? Что ты плетешь? Что за вздор ты болтаешь?

— То ты сам городишь чепуху. Смотри-ка, чтобы из этого чего-нибудь не вышло. Осматривайся на все стороны, — отвечала Ксеня, и ее глаза блеснули каким-то огоньком.

Настя, посылая Свирида к знакомым или в лавку, была не особенно осмотрительна в выражениях, когда говорила с Свиридом о псаломщице, писарше, жене сидельца винной лавки и других. Свирид был не совсем благосклонно расположен к псаломщице и не то осуждал, не то жаловался Насте, что псаломщица иногда за малейшую провинность ругает его и кричит на весь двор, и этим вызывал Настю на откровенность. А Настя, гордая своим образованием и ставя себя безмерно выше всех сельских дам, в разговорах с Свиридом щедро сыпала такие крылатые слова, как "репетя", "чупойда", "баба-яга", а жену сидельца называла зеленой глазастой жабой. Свирид в разговорах с своею женою Домахою повторял эти крылатые слова Насти. Жена

Свирида была своего рода сельский Гоголь в юпке, тоже передавала, уже в ином, преувеличенном виде, служанке псаломщика, своей племяннице. А служанка все рассказывала до слова псаломщице и тоже многое преувеличивала для эффекта, как это обыкновенно бывает у крестьянок. Эта "наймичка" произвела настроение духа, очень невыгодное для Луки Корнилиевича.

А Лука Корнилиевич, не зная ничего, все продолжал ходить в школу со скрипкой и нотами почти каждый вечер.

— Бога ради, не ходи ты к учительнице почти каждый день. Она у нас захожая, нам мало известная особа, какая-то киевская "репетя". Отец ее портной из простых мужиков, а она заносчива, пренебрегает мною. А ты удовлетворяешь ее капризы, каждый вечер развлекаешь ее, даешь ей концерты, словно какой-нибудь богатой графине или княгине. А в Киеве она, вероятно, шила вместе с своим папашей штаны панам да паничам и пришивала, по крайней мере, пуговки к штанам.

Через несколько дней молодая служанка опять передавала своей хозяйке разные слухи, какие она слышала от людей, будто учительница смеется над нею, и над матушкой, и над писаршей, и над женой сидельца в винной лавке и говорила кому-то, что все они в деревне так опростились, стали такими репетями, что их образовалась в деревне целая коллекция: одна хвойда садится верхом на репетю, а третья погоняет ее веником, а вслед за этой идет какая-то кляча, поднявши хвост вверх, а задняя баба-яга костяная нога погоняет всех, заметая след помелом, на Лысую гору на "шабас ведьм".

— Кто же эта хвойда, что едет верхом на Лысую гору? — спросила псаломщица.

— Да, говорят, что эта "хвойда" — вы! Ей-богу, так говорят, а я передаю то, что слышала от людей,— сказала наивная молодая Феся.

— Вот каторжные люди! А кто же та репетя, что везет хвойду?

— Да говорят, что это вы едете на писарчуковой жене, а ведьма, что погоняет метлою весь поезд на Лысую гору, это жена волостного писаря, потому что она "натуриста" [Очень характерная]. Вот такое плетут языками люди в деревне.

Феся, может быть, слышала рассказ про такой поезд на Лысую гору. Но едва ли учительница выдумала такой смешной поезд своею головой.

За школою был небольшой огород, примыкающий к усадьбе псаломщика и отделенный от усадьбы псаломщика только узкой межой. Плетня на этой меже не было. Пользоваться этим огородом имели право учителя школы, но ни один учитель, ни одна учительница не пользовались им и отдавали сторожу как подарок за службу. Учителя были всегда холостые люди и часто менялись. Сторож Свирид садил в этом огородце картофель. Псаломщикова йоркширская свинья пронюхала, что здесь можно свободно рыть картофель. Конечно, на межу она не обращала никакого внимания. Свирид часто выгонял свинью со своего огорода и просил псаломщицу загонять ее в хлев и не выпускать в двор. По этому поводу Свирид имел частые стычки с псаломщицей. Свирид сердился, псаломщица ругалась и кричала, что нельзя же держать свинью в хлеве все дни запертою, что свинья такое же божие создание, как и Свирид и всякий человек, любит походить, погулять и поесть картофеля, если сам хозяин огорода не стережет своего огорода, не поставив на меже плетня. Свирид был шутник, а жена его имела острый язык и во всякое время бросала языком смешные карикатуры на соседок и соседей. Они-то и сочинили комичный поезд на Лысую гору сельских барынек, злоупотребляя неосторожно сказанными Настей в присутствии Свирида прозвищами, данными ею известным Свириду сельским "паннам". Свирид был человек льстивый, подделывался под тон учителей и учительниц, стараясь заслужить их благосклонность.

Когда псаломщица услышала рассказ Феси, что болтают про нее в деревне, она вспылила, обидевшись, и всю вину сложила на Настю, считая ее первоисточником этой сплетни. Она инстинктивно угадала, что все эти высокомерные прозвища выдуманы Настей.

Наступал вечер. Луки Корнилиевича не было в комнатах. Ксеня пошла в гостиную, посмотрела на стену: скрипки не было на крючке. Она догадалась, что Лука Корнилиевич в гостях у Насти, что он играет и вместе с Настей распевает песенки.

В комнатах стало темно. Ксеня зажгла лампу, приказала служанке затопить в печи и готовить ужин. Ксеня послала Фесю доить корову, а сама замесила тесто. Она месила тесто в ночвах, и у нее в голове возникла мысль пойти в школу и выгнать оттуда Луку Корнилиевича, отобрав у него скрипку и ноты. Но она сдержала свой гнев: о таком поступке узнала бы прислуга и разболтала всем.

Феся принесла подойник с молоком и цедила молоко в кувшин. Псаломщица замесила тесто для приготовления галушек, взяла скалку (качалку) и начала раскатывать на столе тонкий корж, чтобы приготовить "резаные галушки". В то время, когда она раскатывала корж около окна, она услышала, что кто-то выходит на крыльцо, ступая тяжелыми сапогами по ступенькам. Ксеня узнала тяжелую походку мужа и со скалкою в руках выбежала в темную переднюю, с трудом нащупала задвижку в дверях на крыльцо и сгоряча начала наносить удары скалкою Луке Корнилиевичу то по плечам, то по рукам, куда попало. Удар попал в скрипку, и скрипка загудела, будто застонала от боли в своем желудке. Струны под этим смычком странно заиграли и мгновенно замолчали.

Лука Корнилиевич остолбенел от изумления. У него мелькнула мысль, что в его отсутствие на дом напала шайка грабителей в масках, которые.в то время часто грабили евреев, купивших на сруб лес и ночевавших в лесу в шалашах, и даже нападали на дома священников и зажиточных крестьян. В прошлом году в деревне какие-то

таинственные захожие люди бродили по деревне—и вдруг от поджога ночью сгорела у арендатора рига с складом зернового хлеба и сельскохозяйственных машин, а спустя неделю опять ночью сгорела конюшня с выездною парою лошадей, и, наконец, сгорела кухня, построенная во дворе отдельно от дома.

Ошеломленный неожиданностью нападения, Лука Корнилиевич соскочил со ступенек крыльца, думал выбежать за двор и поднять крик на выгоне, чтобы позвать соседей на помощь. Но скалка догнала его и продолжала лупить его по спине и по плечам. Он. оборотился и увидел, что его бьет не мужчина, а женщина. В одно мгновение он сообразил, кто угощает его ударами, и бросился на жену, но она так сильно ударила его по руке, что Лука Корнилиевич уронил скрипку и схватил другою рукою ушибленную руку. Он отнял у жены скалку и ушел в переднюю с скрипкою в руках.

— Ты с ума сошла или сдурела сегодня? — сказал он тихонько жене, чтобы Феся в кухне не услышала его слов и не узнала об этой нелепой выходке жены.

— Так тебе будет каждый раз, если ты не перестанешь давать концерты своей княгине. Помни про это! Я долго терпела, но, наконец, потеряла терпение. Хорош семьянин! — шепнула ему на ухо Ксения и вошла в кухню и дверь за собою затворила, а потом подошла к столу и продолжала резать корж на галушки, как ни в чем не бывало, спокойно и методично разрезывая наискось тонкую полоску коржа, будто там, в ночной тьме, на крыльце, ничего не произошло.

Лука Корнилиевич взял в кухне кружку с водою, вышел на крыльцо, засучил рукав сюртука и рубашки на правой руке и облил холодною колодезною водою руку, где в двух местах виднелись красные пятна и шишки.

С тех пор он не ходил к Насте со скрипкой. Правая рука болела так, что он не только не мог играть на скрипке, но даже не мог водить смычком по струнам. Скрипка, к счастью, выдержала победоносно удары и осталась целою и невредимою.

Скоро после этого происшествия собрались в школу все ученики старшего возраста, которые готовились держать экзамен в экзаменационной комиссии для получения права на льготу по отбыванию воинской повинности. Пришел на урок и батюшка, поздоровался с Лукой Корнилиевичем и подал ему руку. Лука Корнилиевич просил извинить ему, что он подает не правую руку, а левую.

— Что у вас на руке? Вероятно, сел чирей? — спросил его батюшка.

— Какой там чирей? Это моя Ксеня побила мне руку скалкой, когда я вчера вечером возвращался домой со скрипкой от учительницы после игры и пения песен вместе с ней, и запретила мне ходить к ней и петь вместе с ней дуэты. Ксеня вечером поджидала меня на крыльце, бросилась на меня со скалкой 1 и начала лупить и меня и скрипку,— сказал Лука Корнилиевич и засмеялся.— Она в то время раскатывала корж на галушки, выбежала на крыльцо и начала лупить меня скалкой куда попало.

Отец Моисей захохотал на всю школу. Он будто увидел собственными глазами, как Ксеня энергично, вместо коржа, лупит Луку Корнилиевича скалкой. Псаломщик как будто заразился веселым смехом батюшки и сам начал хохотать, смеялся, припоминая и рассказывая подробности этой неожиданно происшедшей баталии.

— Видите, моя Ксеня вообразила, что я влюбился в Настю и по этой причине делаю ей частые визиты. А я влюблен в музыку и пение, сам пел в хоре, когда был учеником в училище и когда, за неимением средств продолжать учение в семинарии, я поступил псаломщиком и

начал петь басом. Ксеня вообразила себе бог знает что. Она человек добрый, хозяйственный, но она слишком энергична во всех своих поступках.

— И то еще хорошо, что она не бросилась на вас с мечом в руках, как библейская Иудифь бросилась с мечом на Олоферна и отрубила ему голову,— сказал батюшка, продолжая смеяться.

— Да у нас в доме и меча нет, есть только кухонный большой нож, похожий на меч, хотя и не обоюдоострый,— сказал Лука Корнилиевич.

— Однако, скажу вам по правде, вы должны радоваться этим двум синим шишкам. Они служат доказательством горячей искренней любви Ксени к вам. Но вы никому не говорите о полученных шишках, потому что как только Настя узнает об этом комичном происшествии на крыльце, она оставит нашу школу и уедет в Киев. Настя очень хорошая учительница и усердно работала в школе, невзирая на неблагоприятные условия в нашей тесной и холодной школе,— сказал отец Моисей.— Пусть эта смешная история останется тайной для всех наших знакомых. Будете знать только вы, Ксеня да я.

Однако веселый отец Моисей хранил тайну только тогда, когда шел домой через огород и ток. Придя домой, он не утерпел и первый нарушил обещание. Он рассказал про эту баталию на крыльце своей матушке со всеми подробностями, да еще и своего прибавил, изображая, как Лука Корнилиевич принял эту выходку Ксени за нападение грабителей на дом псаломщика. Матушка была тоже веселого характера и до упаду хохотала, представляя себе псаломщикову Иудифь с оружием в руках в виде скалки. И батюшка и матушка, дополняя эту сцену своими замечаниями и развивая тему, хохотали так, что дети, игравшие в саду, услышав такой громкий хохот через отворенные окна в сад, побежали в кабинет, чтобы разузнать, чего так громко хохочут папаша и мама.

— Насте пришло время любить. А у нас в селе ей нет таких паничей, в которых было бы можно влюбиться. Хоть влюбляйся в сельского простого парня или в столбы наших ворот, или в верстовые столбы, помалеванные красками,— шутил отец Моисей.

— Или в нашего лавочника Аврума, так как он еще не стар и очень красив,— шутила матушка.

— Но возле Аврума также есть преграды: стоит на страже своя Иудифь с мечом, то есть со скалкой и рублем, и будет защищать так энергично, как и Ксеня защищала Луку Корнилиевича,— промолвил отец Моисей.— Но знай, что вся эта смешная история должна сохраниться в тайне; я дал такое обещание Луке Корнилиевичу. Мне жаль Насти.

В скором времени, в конце мая Настя и отец Моисей отвезли в местечко Белую Церковь шесть старших школьников и представили в экзаменационную комиссию на экзамен. Все школьники выдержали экзамен очень хорошо, и Настя получила благодарность от комиссии.

Воротившись домой и отдохнув, Настя спросила Луку Корнилиевича, почему он не приходит к ней со скрипкой и нотами поиграть и попеть песен.

— Да, видите, я тоже сижу за работой, готовлюсь держать экзамен на получение сана диакона при нашей церкви. Работы у меня много, — отвечал Лука Корнилиевич.

Настя поверила ему, но тяжело вздохнула, смотря на его ласковые, добрые, ясные глаза.

С того времени Настя по-видимому без всякой причины начала задумываться и тосковать. Иногда за обедом у отца Моисея она заводила разговор о том, как тяжело убогим девушкам жить и служить, как тяжела была работа в школе зимою.

— Вероятно, недолго проживу при такой тяжелой работе. Я предчувствую что-то недоброе: мне как будто угрожает какая-то беда, какое-то несчастие, — часто говорила она матушке, когда они оставались вдвоем и вели разговор.

— Вот и выдумали! Вы так молоды; вам только жить да веселиться, а не грустить да тосковать, да еще весною у нас в деревне, где все зеленеет и цветет, где соловьи поют до поздней ночи.

— Это верно. Все цветет, а я чувствую, что вяну, что я утомлена до высшей степени.

— Как поедете к отцу на каникулы и отдохнете, всю грусть и тоску жизнь снимет с вас, как рукой. Вы человек городской, затосковали по Киеву и родным, не смогли привыкнуть и приспособиться к нашему почти монастырскому житью в селе. Мы на селе не живем, а только существуем, как говорит наша сельская присказка.

Однако Настя не без причины предчувствовала близкий конец своей жизни. Она была слабого здоровья. Ей удалось занять место учительницы в Киеве на предместьи. Прослужив зиму в училище, она весною начала кашлять сухим кашлем, жаловалась на одышку и боль в груди и заболела чахоткой. Еще в сельской школе половина ее здоровья улетела в школьный вентилятор под крышу. Зацвели киевские сады, запели соловьи, и с запахом весенних цветов дух ее улетел куда-то в синие небеса. Отец похоронил ее на ее заработанные тяжелым трудом деньги.

— Заработала на службе только на свою смерть на погребение,— говорила с плачем мать, в "голосіннях" [с причитыванием] над гробом своей любимой дочери.